

ТЪМА ВПЕРЕДИ
ЕКАТЕРИНА ШРЕЙБЕР

Екатерина Шрейбер

Тьма впереди

<https://litres.ru/72075370>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если бы ты мог вернуться в прошлое и изменить что-то в своей жизни, что бы ты сделал?

У Веры прекрасная жизнь: любимый муж, две дочери, собственная картинная галерея. Но когда её семья погибает в автокатастрофе, а она чудом остаётся жива, всё теряет смысл. Случайная встреча со старым художником дарит надежду. Он рассказывает, что где-то на Алтае, в заброшенном селе, есть место, открывающее переход в иную реальность. Там её любимые живы и здоровы, там можно начать всё сначала. Вера в отчаянии отправляется туда.

Существует ли это место? Какую цену нужно заплатить, чтобы совершить переход? И что ждёт Веру на Алтае: спасение или смерть?

Содержание

Глава 1. Безымянная картина	4
Глава 2. Слезы леса	13
Глава 3. Тебе нужно в Каракарган!	22
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тьма впереди

Глава 1. Безымянная картина

От автора

Все локации в романе выдуманные. Вы не найдёте сёла Чарык и Каракарган, гору Алтынташ или реку Талсу на карте. Но эти места имеют свои прообразы и воссозданы на основе моих впечатлений от путешествий по Горному Алтаю.

Крышка подпола тягуче скрипнула. Босые ноги лизнул могильный холод. Она вгляделась в открывшуюся темноту, пытаясь понять, что ждёт её там, внизу. Но ничего, кроме верхней ступеньки деревянной лестницы, не увидела. Сердце зашлось. Желание броситься вперёд и наконец сделать то, к чему она готовилась три месяца, закружило голову. Но мышцы словно парализовало.

«Останься со мной... Останься... Останься...» — пульсировало в крови. Так громко, что, казалось, этот голос разорвёт барабанные перепонки.

Захлопнуть крышку. Развернуться. Упасть в спасительные объятия. Одно движение — и этот ужас закончится. Простить, забыть, начать сначала. Возможно ли? Она ведь почти поверила, что возможно. Почти.

«Родная, мы ждём тебя», — другой голос позвал из тем-

ноты.

Сухие глаза. Сухие слепые глаза. Почему нельзя заплакать? Чтобы картинка расплылась, чтобы в разводах слёз темнота ожила и отпустила её, чтобы испугаться по-настоящему. И остаться.

Но когда вдалеке зазвенел детский смех, она сдалась. Скользнула стопой на первую ступеньку, успев заметить, что ногти посинели, а лодыжки покрылись гусиной кожей. Шаг. Второй. Третий. Медленно погружаясь во мрак, она не оборачивалась. То, что оставалось за спиной, держало крепче корабельных канатов, но голоса её дочерей разрезали эти канаты, как скальпель нитку, и она продолжала спускаться в подпол.

Оказавшись на предпоследней ступени, нащарила ручку и дёрнула. Крышка грохнула. Свет погас. Студёная влага облепила тело.

Она закрыла глаза и закричала.

— Барахло... Барахло... Барахло... Сколько можно совать мне свой винтаж? Как будто у нас антикварная лавка, а не картинная галерея.

Вера без энтузиазма листала на смартфоне фотографии, присланные её помощницей. Бронзовая статуэтка Ганеши, настольные часы из янтаря, резной комод, книги... Вдруг на экране появился холст, закреплённый на подрамнике. Фото было сделано наспех, при плохом освещении, но Вера засты-

ла, не в силах отвести взгляд.

На холсте был изображён пожар. Поздний вечер, контур горы, одинокая берёза и объятая пламенем деревянная изба.

Огонь казался живым. Вера даже моргнула: на долю секунды ей показалось, что его языки заплясали на фоне кобальтово-синего неба и выстрелили вверх сотнями крошечных проворных искр. В том, как он пожирал стены дома, было что-то жуткое и одновременно завораживающее. Совершенно ясно: ничего уже не спасти. И только потом Вера разглядела на переднем плане женский силуэт. То ли девушки, то ли старухи. Неестественно прямая спина, напряжённые руки, растрёпанные волосы и багряный ореол вокруг головы. От неё веяло горьким дымом и вселенским одиночеством. Что чувствовала эта женщина: ужас от потери дома или злое ликование?

Вера моргнула, положила телефон на стол и посмотрела в окно. Камень, стекло, асфальт. Люди, машины, автобусы. Пыльно-зелёные тополя, почти чёрные ели. Жидкий сумрак, серое небо. Но в эту минуту горящий дом, нарисованный неизвестным художником, и несуществующая женщина казались гораздо реальнее, чем мир за пределами Вериного кабинета.

Белые стены, оштукатуренные с лёгкой небрежностью, всегда казались ей чистым листом бумаги, идеальными декорациями для любого действия. Как причудливо на них танцевали тени деревьев. Как радостно скакали солнечные зайчи-

ки, отражаясь от прозрачных кристаллов ловца света, подвешенного над окном. Сейчас эти стены показались Вере стерильными, пустыми, скучными.

Она должна увидеть эту картину вживую. И купить. Даже если полотно не произведёт подобного впечатления ни на кого другого, Вера повесит её тут, напротив рабочего стола. Чтобы каждый день вспоминать о том, как зыбка грань между настоящим и выдуманным.

Завибрировал смартфон. Она вынырнула из мыслей и ответила на звонок.

— Альфия. — Это была её помощница и единственная подруга. — Да, посмотрела. Из всего, что ты прислала, меня заинтересовала только картина с пожаром. Как её увидеть? И кто автор? А другие его работы? Ясно. Диктуй адрес, я сама разберусь. Почему завтра? Ладно. Пока.

Быстро записав в блокнот адрес квартиры, которая, как оказалось, была расположена всего в двух кварталах от галереи, в самом центре города, Вера взглянула на часы. Девять вечера. Понятно, почему Альфия решила закончить работать на сегодня. Пора и ей домой.

Взяв телефон, она снова взглянула на картину. Может, ей показалось, и она не стоит внимания? Но нет, пожар полыхнул ещё ярче, а едва различимый силуэт женщины будто взывал о помощи. Неужели она напоролась на непризнанного гения? Или просто потеряла нюх?

Решив, что на сегодня хватит, Вера взяла сумочку, ключи

от машины и вышла из кабинета.

Илья лёг на жёсткую лавку, почувствовал, как хрустнуло в спине, и с наслаждением вытянул гудящие ноги. Закинул руки за голову, под которую положил свёрнутую в форме подушки куртку, и прикрыл глаза. Улыбнулся. Здесь ему было хорошо как нигде. В селе кругом люди, глаза, голоса, шепотки, ухмылки, взгляды. Пятнадцать лет прошло, как он приехал, а всё чужак. Есть ли хоть одно место на этой земле, где он почувствует себя дома?

Сквозь приоткрытые веки он обвёл взглядом хижину, которую построил пару лет назад. Крепкий сруб из сосны, окна в деревянных рамах, крыша из бересты и дёрна, надёжная дверь с амбарным замком. Двадцать квадратов неказистого рая. Построил вдалеке ото всего и всех. В густом лесу. Чтобы добраться сюда, нужно свернуть со старой лесовозной дороги, вброд миновать ручей и по петляющей сквозь берёзы и ели тропке добраться до склона горы. Укромная полянка надёжно скрыта от чужих глаз. Лишь охотники из села, коих осталась пара мужиков, знают это место.

Лес был живым и родным существом. В детстве дед учил Илью отличать ель от пихты, по осени брал с собой бить кедровую шишку. И строжайше запрещал бросать в траву мусор: каждый фантик или бумажка шли в карман. Свои бычки от папирос дед складывал в специальный кулёчек, свёрнутый из газеты, или засовывал в пустую пачку. Не шуметь,

не пугать птиц и зверьё, не брать ничего сверх меры — такие были правила. Если бы дед верил в Бога, наверное, он внушил бы внуку, что лес — это храм. С тех пор Илья усвоил, что сюда ты приходишь, чтобы радоваться, благодарить и добывать пропитание.

Чёрт сопел под лавкой. (Эту кличку чёрный мохнатый кобель-дворняга получил за свой устрашающий вид и задиристый характер.) По крыше шелестел дождь. Ноздри щекотали ароматы влажного бора, густой смолы, пробуждающейся земли. Лес шептал ласковые песни. Бесстрашные побеги папоротника, черемши и дикой малины, кудрявые шапочки сморчков уже пробивались наружу через прелую листву и хвою. Ещё немного, и он услышит их голоса во всю радостную несокрушимую мощь.

Остаться бы здесь насовсем.

Он совершенно расслабился. На миг показалось, что это и есть свобода. Как в юности. Когда мир был пусть сложным, но красивым и логичным, словно едва начавшаяся шахматная партия. Чёрное и белое во всём многообразии ходов, уловок, тактик.

В том мире можно было предвкушать победу. Бороться и не сдаваться. Ведь всё зависело только от тебя, твоего ума, силы воображения, выдержки. Он много раз восходил на пьедестал, принимал кубки из рук почётного жюри, выслушивал хвалебные слова. Будущий гроссмейстер. Надежда. Слава.

Сладкое чувство заслуженного успеха давно похоронено под толстой бетонной плитой. Её не сломать. В нём больше нет силы молодого ростка, пробивающего асфальт и стремящегося к свету. Он лежит придавленный этой плитой и никогда уже не воскреснет.

«Осуждённый Илья Соловьёв прибыл. Статья сто пять, часть первая. Начало срока — девятое сентября 2003 года. Конец срока — май 2010 года, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима».

Сначала он не мог поверить. Его ждали университет, любимая девушка, родители, друзья. Целая жизнь и весь мир. Он знал, что виноват, и готов был заплатить. Но семь лет лишения свободы — это не наказание. Это смерть. Ему не справиться. Не пережить этот срок. Никогда не стать прежним и не вернуть свою жизнь.

Первое время в колонии казалось, что дни идут бесконечно, но потом он перестал считать. Утром — переключка, завтрак. Днём — работа в столярке. Вечером — бестолковый бубнёж телика, книги, перечитанные на несколько раз, невнятный трёп соседей по бараку. Затаённая злоба и тупое смирение пропитали всё вокруг, как смрад въелись в стены и пол, витали в воздухе.

Дышать стало труднее, словно плечи и грудь снова обхватила серая роба, застёгнутая на все пуговицы, а лоб сдавила ненавистная кепка. Он давно примирился с прошлым, перестал ненавидеть и жаждать мести. Кровь не закипала в ве-

нах, воспоминания не разъедали мозг, как серная кислота. Но они всё равно возвращались. Раз за разом. Стоило лишь потерять бдительность и решить, что можно начать жить с чистого листа.

Но с чистого листа никак не получалось. Вся его жизнь состояла из череды неудачных попыток сделать что-то стоящее. Добиться справедливости. Найти свою женщину. Совершить переход. Жить без оглядки на прошлое. А что впереди? Ему сорок один год. У него есть дом, собака, машина и мечта завести коня. Нестабильный заработок. Руки, которые умеют рубить, пилить, строить, рыбачить. Голова, которая слишком много думает. Но что впереди?

Он ударил кулаком в стену, наотмашь, не открывая глаз, ощутил знакомую боль и вскочил с лавки. Чёрт поднял морду и посмотрел на хозяина умными глазами.

Не обращая внимания на зарядивший дождь, Илья взял колун, вышел во двор, достал из кучи, сваленной рядом с домом, чурку и одним ударом разрубил её напополам. Поднял и снова ударил. Пёс, не будь дураком, уселся на крыльце, в сухости, и смотрел, как хозяин с остервенением орудует топором.

Когда под навесом образовался аккуратный рядок поленьев, Илья совершенно промок. Ещё один взмах. Влажный топор выскользнул из руки и вместо деревяшки угодил по правому ботинку. Илья взвыл и запрыгал на одной ноге к крыльцу.

Разувшись, обнаружил, что пальцы целы. Но посередине стопы красовалась глубокая рана. Он упал на спину, не в силах поверить, что сотворил такое с собой. Сотовой связи тут не было. На помощь звать некого. Нужно перебинтовать ногу, садиться за руль и возвращаться в село.

Чёрт лизнул его в щёку и улёгся рядом, готовый помочь.

— Если я сдохну по дороге от потери крови, вернись домой и иди к Палычу. Он тебя приютит, — прохрипел Илья и поскакал на одной ноге в избушку за бинтами.

Глава 2. Слезы леса

Едва ключ повернулся в замке, Вера услышала радостное поскуливание за дверью.

— Немо, привет! Сейчас переоденусь и пойдём гулять.

Она зашла в квартиру, присела на корточки и крепко обняла золотистого ретривера, уткнувшись носом в шелковистую шерсть на загривке. Потом скинула туфли, плащ, быстро переделась в спортивный костюм и кроссовки, прихватила поводок и вместе с Немо вышла за дверь.

Вечерний ритуал был неизменен. Во сколько бы она ни возвращалась домой и как бы ни уставала, перед сном выходила на короткую пробежку в компании любимого пса и делала пять кругов по парку. Но сегодня Немо, хоть и радовался прогулке, отказался бежать после первого же круга. Просто плюхнулся на задние лапы и перестал реагировать на команды.

— Что-то ты не в форме. Может, пора посадить тебя на диету? Нет, ты против? Ладно. Давай ещё немного подышим свежим воздухом и пойдём домой. — Вера погладила Немо по голове и села на лавочку рядом.

Листья на берёзах едва начали распускаться, и холодный майский ветер трепал их гибкие ветки, наполняя сумрачный вечер тревогой. Вера поёжилась. Едва выступивший пот остужал кожу, и через пять минут она окончательно замёрз-

ла. Нужно было возвращаться, но её словно приклеили к скамейке. Если остаться здесь, если встретить эту, уже четвертую, годовщину не как обычно дома, а в ночном парке, может, что-то изменится? Застрявшее колесо провернётся, начнётся новый этап? Внутри перестанет болеть, закончатся кошмары и жизнь обретёт хоть какой-то смысл?

Немо негромко гавкнул, привлекая внимание.

— Конечно нет. Ты прав, — ответила Вера на вопросы, звучавшие в голове. — Пойдём.

Она встала, обхватила себя руками, пытаясь согреться, и поплелась в сторону дома. Немо не отставал ни на шаг.

Темнота в квартире проглотила их, стоило только захлопнуть дверь. Липкая, душная темнота. Вера прислонилась к стене и замерла. Вслушалась. Она привыкла к холоду, одиночеству, пустоте, но никак не могла привыкнуть к этой тишине. Не звякала посуда, не болтали дети, не бубнил телевизор, не разговаривал по телефону муж. Даже Немо почти перестал лаять, когда их не стало.

Четыре года назад.

Тот день отличался от других субботних дней. Вера не помнила, когда в последний раз они вместе ездили на пикник. Не в ресторан, аквапарк или на базу отдыха, а просто на природу. С чаем в термосе, бутербродами с колбасой и сыром, помидорами в пластиковом контейнере, пирогами, чипсами, орешками и кучей другой вредной снеди, которую дочери в приступе походного энтузиазма сгребли с полок су-

пермаркета.

Олег отпустил водителя и сам сел за руль вместительного минивэна «Хонда Одиссей». Они загрузили раскладные стулья, стол, плед, чтобы валяться на траве, цифровую камеру для фото на память. Это должен быть идеальный пикник. Единственное, что расстроило дочек, — отсутствие Немо. Его не стали брать с собой, потому что не успели обработать от клещей, а их в том мае было необычно много.

Пёс проводил их таким выразительно грустным взглядом, что Вера чуть не передумала ехать. Но потом пообещала угостить его сахарной косточкой, а наутро бегать по парку не полчаса, а час, и спустилась к машине. Тогда она не знала, что тем самым спасёт Немо жизнь.

Они выехали за город, без пробок добрались до мелкого, блестящего на солнце озера и расположились на поросшем шелковистой травкой берегу. Ласковое тепло гладило кожу и растекалось по телу блаженством, какое испытываешь лишь после долгой зимы. Комары ещё не проснулись, берёзы опушились свежей зеленью, воздух пах счастьем.

Девочки играли в прятки, учились рыбачить под руководством отца, Вера же фотографировала, валялась на пледе, шурилась на весеннее небо и слушала музыку их голосов. Ей давно не было так хорошо и спокойно, словно суета, проблемы и недостигнутые цели остались где-то далеко, и впереди её ждёт радостная, беззаботная жизнь.

«Нужно построить дом где-нибудь подальше от города. На

кроме леса. А ещё лучше — под горой. Чтобы вокруг цвели ранетки и сирень, распускались нарциссы и ландыши. И был круглый стол на веранде или в саду, застеленный льняной скатертью», — думала Вера. Она уже чувствовала запах цветов, видела пар, поднимающийся над чашкой горячего чая, ощущала шероховатость льна под пальцами...

Поразительно, как повернулась жизнь. Не встретить она Олега, не было бы ни этого настоящего, ни этого возможного будущего.

— Если бы ты мог вернуться в прошлое и изменить что-то в своей жизни, что бы ты сделал? — спросила она у мужа, лёжа на боку на пледе и жуя травинку.

Он сидел рядом и не сводил глаз с дочерей, играющих у воды. Солнце плавно спускалось к горизонту, и в его медовых лучах всё казалось покрытым волшебной золотистой пылью.

— Ничего. — Он обернулся к ней, и в его серьёзных серых глазах проскользнула улыбка. — Хотя... Я бы хотел появиться в твоей жизни раньше. Стать твоим первым мужчиной. Чтобы не было никаких... Вадиков.

— Серьёзно? Ты ревнуешь к Вадiku? — Вере стало смешно при мысли, что её всемогущий муж может ревновать к бедному, хоть и талантливому студенту. Он был её первой взаимной любовью, лёгкой и упоительной, как яблочный сидр. Но когда появился Олег, Вера была захвачена в плен. У Вадика не осталось шансов, и он беззвучно исчез из её

жизни.

Олег прилёг рядом, крепко прижал её себе и прошептал:
— Ни к кому я тебя не ревную. Потому что ты только моя и сама это знаешь.

Когда его рука пролезла под её рубашку и начала подниматься выше, Вера отстранилась.

— Ну, Олег, не сейчас, подожди до дома...

Тот день был последним счастливым днём в её жизни.

Вера щёлкнула пультом, который всегда лежал на полочке в коридоре, и только потом разулась. Из гостиной зазвучали «Битлз» — любимая группа Олега. Она отстегнула поводок и повесила его на крючок. Немо недолго постоял, вопросительно глядя на хозяйку, но та не вспомнила, что нужно помыть ему лапы, и пошла на кухню.

Слева в самом дальнем шкафчике на верхней полке, до которой нельзя дотянуться, не встав на стул, аккуратным рядом стояли бутылки с красивыми этикетками. Дорогая водка, виски двадцатилетней выдержки, какой-то элитный коньяк. Олег ценил хороший алкоголь. Вера сглотнула. Сама она почти не пила, но вдруг почувствовала на губах знакомый остропрямый вкус его поцелуя, теплоту кожи и колкость щетины. Нет, спиртное не заменит ей этих ощущений, не поможет нырнуть в прошлое. Вера захлопнула дверцы шкафа и спрыгнула со стула.

В детской она не стала зажигать ночник. Если остаться в темноте, можно представить, что Миланка спит, как обычно,

разметавшись по кровати и скинув одеяло на пол, а Алиса по привычке отвернулась к стене и, наплевав на запреты матери, уткнулась в телефон. Стоит только сделать шаг, и почувствуешь их запах — уже не младенческий, но по-прежнему сладкий, обволакивающий, родной. Вера втянула носом застоявшийся воздух. Пахло слежавшейся пылью, тёплым пластиком, засохшими цветами. Непрожитыми жизнями. Невыплаканным горем.

Так и не найдя в себе сил пройти, Вера тихо произнесла: — Простите меня.

Слёз по-прежнему не было. Психолог сказал, что она не позволяет себе прожить эти чувства, а значит, застряла в моменте, как муха в янтаре. Так и есть. Она не имеет права рыдать и убиваться, потому что виновата в их смерти.

— Простите.

Вера вышла из комнаты и аккуратно прикрыла дверь. Взглянула на часы. Полночь. Этот день закончился. И снова ничего не изменилось.

Бинты не помогли — ботинок быстро пропитался кровью. Нога пульсировала в такт биению сердца, каждое нажатие на педаль заставляло морщиться от боли. Уазик подбрасывало на мокрой ухабистой дороге, ведущей через перелесок. Подскакивая на кочках, Илья, не стесняясь, матерился. Чёрт утробно подвывал с заднего сиденья.

Если бы не рана, он остался бы в хижине, как и планиро-

вал, на два дня. Проветрил бы мозги, отдохнул в тишине. Уже через неделю к нему нагрянут очередные туристы, которые любят не столько рыбачить, сколько выпивать, — и ему придётся пять дней катать их по озёрам и рекам, обеспечивая сносным уловом, природными красотами и водкой. Ведь деньги они заплатили немалые. О спокойствии можно забыть.

Илья не любил то, чем занимался. Точнее, он не любил людей. Большинство из них казались ему жадными, злыми и глупыми. Им плевать на красоту и хрупкость природы, главное — удовлетворить собственные хотелки. Побухать, порыбачить, покататься по бездорожью. Среди них было мало тех, кто умел по-настоящему видеть, чувствовать и понимать. Но ему, бывшему зэку, не так-то просто найти работу, поэтому приходилось делать то, что он умел: крутить баранку, рассказывать о тонкостях рыбалки, водить по нехоженным тропам.

Лучше всего он чувствовал себя в одиночестве и в компании Чёрта. Пожалуй, только общество Палыча, бывшего следака, не навело на него скуку или раздражение. Палыч умел молчать, не напрягая, и слушать, улавливая суть. А его истории всегда были интересными, душевными, жизненными. Если бы не необходимость зарабатывать деньги, Илья построил бы небольшую конюшню, купил пару лошадей и занимался бы огородом, рыбалкой, уходом за животными. Даже в магазин бы не ходил, чтобы не выслушивать сплетни

тёти Майны, которая слишком медленно доставала товар с полки, считала, выбивала чек, но слишком быстро болтала, успевая за несколько минут выудить из покупателя всё, что ей было нужно, и рассказать всё, что считала жутко важным.

Потому он и построил эту избушку в лесу. С одной стороны, Илье хотелось доказать себе, что он может построить дом в одиночку с нижнего венца до крыши и окон. С другой — ему было приятно знать, что в любой момент, когда раздражение и злоба подступали к горлу и начинали мелко, горячо пузыриться, готовые выплеснуться наружу очередным приступом агрессии, можно уехать в избу и хоть ненадолго стать настоящим отшельником.

Но в этот раз не получилось. Зачем он схватился за топор? Сдались ему эти дрова!

Уйдя в собственное раздражение, Илья не сразу сообразил, что за звук доносится из открытого окна. Чужеродный для лесной чащи звук. Он чуть сбавил скорость и прислушался. Точно. Где-то поблизости работала бензопила.

Илья глянул на ногу и смачно выругался. Светло-коричневый ботинок стал чёрным. Но не проверить, оставить всё как есть не смог. Крутанул руль и нырнул на узкую тропинку между сосен. Сразу стало темнее и прохладнее. Воздух сгустился и заполнил салон запахом влажной после дождя хвои и сырой, не прогретой солнцем земли. Наперерез машине сиганул бурундук.

Скоро Илья наткнулся на широкую поляну, обложенную

недавно поваленными деревьями. Крепкие, молодые, толстые, попиленные на брёвна равной длины и очищенные от веток, они лежали на земле и ждали, когда их вывезут. Ни людей, ни машин поблизости не было, но совершенно очевидно, что лесоповал тут устроили совсем недавно. В воздухе стоял сладкий запах свежей древесины.

Илья посмотрел в единственном направлении, в котором мог скрыться автомобиль. Ему даже показалось, что вдали растаял звук двигателя. По той тропе можно выехать в Чарык, если сделать небольшой крюк.

Как они успели так быстро смотаться? Неужели он их спугнул? Надо узнать, не выдавали ли кому разрешение на вырубку. Хотя он точно знал, что здесь древесину не заготавливают. Тем более в начале лета. Но тот, кто это начал, ещё вернётся.

— Твари, — прошипел Илья и, дав задний ход, поспешил домой.

За его спиной тихо стонал и ронял слёзы раненый лес.

Глава 3. Тебе нужно в Каракарган!

Утром Вера стояла посреди чужой заваленной хламом комнаты. Серый свет с трудом проникал через давно не мытые окна и жидко растекался в пространстве, едва доставая до высокого потолка, в углах которого под слоем паутины виднелись остатки лепнины. Мебели не было. Только картонные коробки разных размеров и разной степени изношенности. Они стояли друг на друге в несколько этажей, образуя накренившиеся пизанские башни. А ещё повсюду лежали книги, пакеты, свёртки, тряпки.

Вера могла бы подумать, что здесь живёт кто-то, страдающий манией стязательства, или умалишённый, который тащит домой с помойки выброшенные вещи. Но корешки старых томов говорили о том, что их читал человек хорошо образованный. Французские классики, немецкие философы, русские поэты. Среди книг было много альбомов по искусству, изданных в прошлом веке.

Но всё это её не интересовало. Посмотрев в сторону коридора, где в кладовке с азартом ковырялась Альфия, Вера в нетерпении спросила:

— Где же она?

— Сейчас.

Нехотя отвлёкшись, девушка зашла в комнату. Высокая, стройная, с короткостриженными чёрными волосами, в льня-

ной рубаше и брюках цвета хаки, она была похожа на археолога. Не хватало только пробкового шлема.

Ловко выудив из завалов у стены небольшую, пятьдесят на семьдесят, картину, Альфия встала напротив окна и продемонстрировала её Вере.

Дыхание сбилось. В рассеянном утреннем свете картина полыхнула алым, багряным и синим. Жар огня, одиночество застывшей фигуры, безвозвратно потерянный дом. Она была гораздо прекраснее, чем на фото. Вера приблизилась. Сногсшибательный иммерсивный эффект. Удивительная детализация. Почти незаметные мазки. Словно это фотография, а не масло на холсте.

— Я беру её. Кто автор?

— Сартакпай Тарабаев.

— Я могу встретиться с ним?

— Он... Не совсем... Как бы это сказать...

Вера наконец оторвала взгляд от картины и посмотрела на Альфию в упор. Помощница, которая всегда говорила прямо и не стеснялась в выражениях, вдруг замешкалась.

— Да что тут происходит?

— Он там, — прошептала девушка.

В этот момент за стеной раздался чудовищный грохот. Вера не сразу поняла, что кто-то бьёт по стене с такой силой, что сыплется штукатурка. Чихнула. А потом ещё раз.

— Кто там, вашу мать, обсуждает меня? Сгиньте, ведьмы проклятые! Ничего я вам не отдам! — раздался приглушённый

ный толстой стеной старческий голос.

Альфия развела руками. Мол, я пыталась предупредить.

Вера, не чувствуя страха, рванула в соседнюю комнату.

Не считая кровати в углу, там было настолько пусто, что по полу от её появления покатались пыльные шарики, напоминающие перекасти-поле. Тот же высокий потолок, оштукатуренные стены. И кресло, в котором, укутанный пледами, утонул крошечный старичок.

Он был почти неразличим на фоне складок несвежей ткани, слившись с ними морщинами и пятнами на коже. Но его узкие глаза горели сквозь набрякшие веки как два факела, а голос гремел не хуже иерихонской трубы.

— Кто ты? И зачем тебе моя картина? — Старик потряс тростью, которую сжимал в костлявой руке и которой, очевидно, только что колотил по стене.

Вере не раз приходилось иметь дело с клиентами, распродающими на склоне лет свои коллекции. Или с их наследниками, жадно выторговывающими каждый рубль. Она привыкла к чудаковатым старикам, поэтому выбрала свою любимую тактику: чёткий дружелюбный голос, мягкие интонации. Только говорить начала чуть громче, на всякий случай.

— Здравствуйте, меня зовут Вера Молчанова. Я хозяйка арт-галереи и пришла к вам в гости, потому что моя помощница нашла среди ваших вещей удивительную картину...

— Кто позволил вам рыться в моих вещах?

— Э-э-э... Ваша дочь. Ольга Сартакпаевна Кузнецова. —

Дед вперился в Веру гневным взглядом. Его губы беззвучно двигались, а скрюченные пальцы, вынырнув из-под пледа, сгибались и разгибались. Она подошла ближе, присела на корточки и, оказавшись на одном уровне с его лицом, сказала: — Вы переезжаете отсюда.

— Твоё имя Вера? — Его круглое лицо неожиданно скрипело, пошло волной новых морщин, потемнело, рот раскрылся, и из беззубого провала послышался высокий всхлипывающий звук.

Едва сумев совладать с желанием отшатнуться, Вера протянула руку и положила её на кисть Сартакпая Тарабаева.

— Да.

— То, что ты пришла, знак. Она простила меня. Моя Вера. Но я всё равно не хочу уезжать. Во что я превратился? В трухлявый пенёк. Ну и оставьте меня в покое. Пеньёк не должен перемещаться с места на место. Он должен гнить сам по себе. В тишине и мраке. Мраке, которого не видывал человек! — Бормотание превратилось в шёпот. — Я был там, где не был никто, и знаю то, чего не знает никто! Зачем, зачем я вернулся сюда... Оставьте меня в покое!

— Всё хорошо. Не стоит нервничать. Вас ждёт спокойная жизнь в кругу близких. Расскажите мне что-нибудь о картине. Той, где нарисован пожар. Как она называется?

Старик перестал стенать. Его взгляд сделался расфокусированным.

— Никак. Боже, кто же сумеет дать название тому, что я

пережил? Я увидел это там, в Каракаргане. Однажды, находясь между сном и явью. А потом снова и снова. Видение — дом, огонь, женщина — мучило меня так долго и так сильно, что я не мог не нарисовать его. Помогло, да. Я больше не вижу их.

— Что это за дом? Что за женщина?

— Там находится переход. Если тебе очень надо вернуться в прошлое и что-то исправить... Ты можешь приехать туда и *перейти*. И снова встретишься с любимыми, снова обнимешь их. Сможешь сказать то, что не успела, сделать то, что не сделала, исправить ошибки. Не веришь? Думаешь, я сумасшедший? Но я был там. — Он схватил Веру за запястье и сжал с неожиданной силой. — Ты не просто так оказалась здесь, Вера!

То ли от страха, то ли от боли кровь в её жилах заledenела. Нужно уходить. Но тело не желало слушаться. Она не могла пошевелиться.

— Тебе не нужна картина. Тебе нужно в Каракарган! Запомни это место! — Взгляд Сартакпая был полон боли и решимости.

— Отпустите! — Альфия выдернула её руку из хватки старика и заставила подняться. Она всегда оказывалась рядом, когда была нужна, даже если не слышала просьб о помощи.

Выйдя в коридор, Альфия тихо сказала:

— Уходим. Не переживай насчёт картины, она твоя. Дочь

готова отдать её бесплатно, если я куплю статуэтку Ганеши. Согласна?

Вера безвольно кивнула. Направляясь к выходу, она продолжала чувствовать крепкую хватку на запястье и слышать слова старика: «Тебе не нужна картина. Тебе нужно в Каракарган!»

— Как тебя угораздило? Удивительно, что кости целы и пальцы все на месте. — Лариса Королёва, заведующая фельдшерским пунктом в Чарыке, где жил Илья, осмотрела рану на его ноге, обработала антисептиком и сделала перевязку, а теперь, сидя за столом, выписывала рецепт на антибиотики и мазь. — Таблетки принимать пять дней утром и вечером после еды. Перевязки — каждый день.

Он пожал плечами.

— Спасибо.

Лара подняла на него глаза. Красивые. Голубые. Раньше ему нравилось, когда в них появлялись и начинали плясать смешинки, словно солнечные зайчики по воде. Илья перевёл взгляд на её губы и вспомнил, как соблазнительно она улыбалась, лёжа на белой простыне в его постели.

— Послушай, может, пока тебе нужен уход, поживёшь у меня?

— Лара, не начинай. Спасибо за помощь, я пошёл.

— Ты знаешь, что ты дурак и индюк напыщенный, Илья Александрович?

Почему же мужики приезжают так нескоро, неожиданно подумал он. Как вытерпеть эту муку заботы и опеки? Может, соврать, что уже завтра в лес? Эх, не поверит ведь. С такой ногой какой лес? Придётся лечиться. И терпеть неловкость в её присутствии. Два года прошло, как они расстались, но каждый раз при встрече его мучило от чувства вины и обиды, а в желудке становилось холодно, как будто он проглотил медузу.

Илья попытался представить, что он раненый солдат, а она — медсестра полевого госпиталя. Если хочешь обойтись без заражения крови или ампутации, терпи. В общем-то это было недалеко от истины. В Чарыке медицинскую помощь оказывала только фельдшер Королёва. В самых сложных случаях приходилось ехать в райцентр — почти пятьдесят километров, половину из которых нужно трястись по ухабистой грунтовке.

Когда Илья вышел из колонии, у него не оказалось дома. Мать умерла, отец перестал с ним общаться. Любимая девушка вышла замуж за другого. Он попытался устроиться на работу, но бывшего сидельца без образования никуда не брали. Единственное, что у него осталось, — разваливающаяся хибара дедов по маминой линии в селе Чарык в Горном Алтае, месте хоть и живописном, но не самом перспективном. Туристические потоки шли мимо, недвижимость тут стоила копейки, но это было хоть что-то. Крыша над головой. Место, где можно начать жизнь сначала.

Он и начал. Брался за любой калым, помогал соседям, которые, помня его смышлёным и хорошеньким мальчишкой, когда он на лето приезжал к бабушке и дедушке в гости, подкидывали работёнку. То забор поправить, то крышу перестелить, то курятник отремонтировать. За семь лет заключения он научился обращаться с молотком и гвоздями на пять с плюсом и даже получил водительские права. Всё заработанное вкладывал в дом. Укреплял, утеплял, штукатурил. За несколько лет привёл старую избу в пригодное для жизни состояние. Многие дивились: один, без денег и помощников! Называли рукастым. Сватали местных девиц.

На девиц Илья не заглядывался. Но когда в селе появился новенький фельдшерский пункт, в Чарык приехала Лариса Андреевна Королёва, и его celibат неожиданно закончился. Она вылечила его сначала от ангины, а следом — от одиночества.

В объятиях ласковой красавицы тело расслаблялось, становилось лёгким, юным. Но темнота в душе не рассеивалась. Он по-прежнему видел кошмары, боролся с приступами агрессии, сменяющимися жутким самобичеванием. Всё, чего он хотел, — это вернуться в ту страшную ночь, когда его жизнь пошла наперекосяк. И всё изменить. Тогда Илья вспомнил про дом бабы Таши.

Много лет он не слышал рассказов о том, что якобы творилось в этом доме. То ли люди забыли, то ли перестали верить. Но Илья так живо помнил и дом, и старуху, и ужас, ко-

торой испытал в детстве, однажды оказавшись там, что решил: будь что будет, поеду. А когда через три месяца вернулся в село, Лара уже встречалась с Толиком, хозяином местного магазина. Они так сладко обнимались у его крыльца — никого не стесняясь и явно наслаждаясь друг другом, что Илья сначала оторопел, а потом развернулся на сто восемьдесят градусов и пошёл прочь.

Конечно, они снова начали общаться, потому что невозможно избегать кого-то, когда живёшь в селе на пятьсот человек, и даже оба делали вид, что остались приятелями, но невысказанное висело между ними паутиной — чем больше пытаешься выпутаться, тем сильнее она прилипает.

Потом Толик продал магазин и уехал в город. Лара не стала долго горевать, а прямо предложила Илье вернуться к ней. И на каждый его отказ реагировала как на слова неразумного ребёнка: мол, куда же ты денешься.

Взяв рецепт и с трудом поднявшись, он заковылял к двери.

— Жду тебя завтра! — услышал вслед.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.